УДК 929.522.1 + 94(470 + 570)

В. В. Морозан

СОСТАВЛЕНИЕ БЕССАРАБСКОЙ ДВОРЯНСКОЙ РОДОСЛОВНОЙ КНИГИ*

В статье освещен один из наиболее сложных этапов формирования дворянского общества в Бессарабии, вслед за присоединением ее к России в 1812 г. В этой вновь приобретенной области, как и в самом Молдавском княжестве, процесс формирования социальной элиты был еще далек от завершениz. Этот фактор существенно осложнял усилия российских властей по формированию органов местного управления. Чтобы завершить процесс создания местного благородного общества, необходимо было составить родословную книгу бессарабского дворянства.

К л ю ч е в ы е с л о в а: российская история; поместное дворянство; краеведение; родословная книга.

До начала 1820-х гг. было несколько попыток структурировать благородное сословие Бессарабской области. Подобные усилия предпринимались в 1816 и 1818 г., но безуспешно. Отсутствие такой социальной организации в крае чрезвычайно осложняло работу административного аппарата. Всякий раз, когда возникала необходимость созвать дворянское собрание, властям приходилось создавать особые комиссии для проверки документов у приезжавших в Кишинев бояр на право участвовать в выборах. Так, пришедший на смену полномочного наместника Бессарабской области А. Н. Бахметева генерал-лейтенант И. Н. Инзов посчитал, что причиной неудовлетворительной работы прежних комиссий была лишь недобросовестность местного дворянства. «Многие лица, — писал он по этому поводу, — помещенные в том списке и не имеющие никакого права на сие благородное звание и конечно записанные в оный по желанию только нескольких дворян, для увеличения своих партий при выборах, служили главнейшей причиною тех беспокойствий и неприятностей, которые происходили досель» [РГИА. ф. 1308, оп. 1, д. 29, л. 1 об–2]. Можно допустить также, что и власти края вносили в этот процесс немало деструктивных действий. Часто руководство краем намеренно сталкивало между собой многочисленные дворянские группировки, чтобы решить те или иные проблемы.

Вступив 15 июня 1820 г. в обязанности главного начальника края, Инзов распорядился пересмотреть прежний список дворян. По его распоряжению каждый из претендентов на включение в родословную книгу должен был доказать на это свое право. Возглавил новую комиссию сам И. Н. Инзов, который ввел в ее состав помимо предводителя дворянства, Дмитрия Рышкана, еще 12 лиц, имеющих на то неоспоримые права, «следовательно, не подверженных никакому сомнению в их беспристрастности» [РГИА. ф. 1308, оп. 1, д. 29, л. 12]. По признанию Инзова, он постарался включить в состав комиссии представителей враждующих партий,

* Статья подготовлена к публикации при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 11-01-00454.

© Морозан В. В., 2014

чтобы избежать возможности внедрения в состав дворянства недостойных лиц. В действительности среди тех, кому надлежало ревизовать документы местной элиты, оказалось много прежних лиц: Александр Гика, Иоанн Стурдза, Иордакий Милло, Матвей Рышкан, Петракий Катаржи, Федор Крупенский, Янко Руссо, Еноваки Палади, Иван Донич, Василий Яманди, Матвей Зилоти, Панаит Казимир. Организационными делами комиссии занимались титулярные советники М. И. Лекс и Иордакий Александри. Все перечисленные лица неоднократно привлекались властями к работе в разных временных учреждениях, причастных к судьбе благородного сословия. Так, И. М. Стурдза, состоя еще в боярском чине спатаря, ездил в 1814 г. в Санкт-Петербург в составе бессарабской делегации, где был принят со своими соплеменниками Александром I. Участвовал он также в предшествующей комиссии по делам дворян.

Заметную роль в работе предстоящей ревизии И. Н. Инзов отводил Еремею Кирилловичу Янову, служившему некогда переводчиком в Диване Молдавского княжества, а затем эти обязанности он выполнял в штате гражданского губернатора. В настоящей комиссии Янов, помимо функций переводчика, должен был исполнять и работу письмоводителя. По поручению генерала, он приступил к изучению дворянских документов 10 февраля 1821 г., продолжая «службу сию без всякого вознаграждения от казны и общества до закрытия Комиссии 10 декабря 1821 г.» [РГИА, ф. 1349, оп. 4 (1832), д. 98, д. 135 об.–39].

Работе Бессарабской областной дворянской комиссии сопутствовало распространение среди местного благородного сословия разъяснительной записки, или инструкции от 17 февраля 1821 г., в которой указывалось, какие именно документы будут приниматься для доказательства благородного происхождения. В нее были также включены извлечения из российского законодательства, объяснявшие, на каких основаниях причислялись соискатели к дворянскому сословию. «Сим средством, я надеюсь, — писал И. Н. Инзов, — совершенно прекратятся распри, происходившие между здешним дворянством и вовсе уничтожится повод к тем беспорядкам, кои допущены были при совершении прежних выборов...» [РГИА, ф. 1308, оп. 1, д. 29, л. 4 об.].

Основанием для внесения каждого претендента в родословную книгу могли стать документальные подтверждения их причастия к высшему сословию, среди которых могли быть хрисовы, грамоты, повеления и господарские записи, данные на чины, бумаги на имения по тяжебным делам, или особые «препоручения» от владетельных князей. Помимо того принимались во внимание жалованные от государя гербы или патенты на чины, которые давали право на дворянское достоинство. Право это определялось грамотой господаря Ионы Маврокордата 1734 г., по которой признавались дворянами лица, занимавшие до 1812 г. должности от третьего логофета до вел-логофета. На дворянское звание могли также претендовать те лица, которые в период профезмии[1] «удостоились по заслугам получить

[1] Префезмия — 18-месячный срок после подписания Бухарестского мира, дававший право выбора жительства жителям Молдавского княжества и отторгнутой бессарабской части.

жалованный кафтан, хотя бы и не происходили из дворянских фамилий» [РГИА, ф. 1151, оп. 3 (1844), д. 231, л. 151]. К документам, дававшим право на дворянство, относились указы или грамоты на дачу земель или деревень, на «посольство или посланничество», о дворянской службе предков и другие письменные свидетельства, подтверждавшие причастность к благородному сословию. К нему также принадлежали кавалеры русских орденов. В отдельных случаях, когда документы лишь косвенно указывали на дворянское происхождение, власти требовали свидетельство двенадцати «благородных человек». В тех же случаях, когда претендент имел право на дворянство по выслуге, по орденам и прочим заслугам, комиссия должна была следовать российскому законодательству. По ее окончании все представленные дворянами документы были им возвращены.

Члены комиссии 1821 г. приступили к исполнению возложенных на них обязанностей 10 февраля. Есть основания полагать, что в первое время ее деятельность не была интенсивной, вынуждая наместника торопить ее членов в производстве ревизии. Об этом Инзов докладывал графу И. А. Каподистрия 5 августа 1821 г. [РГИА, ф. 1308, оп. 1, д. 29, л. 14]. Задержка в деле рассмотрения документов в зимне-весеннее время была вызвана медлительностью боярства, которое не торопилось представлять необходимые свидетельства на свое звание. Однако к лету они уже подали в комиссию достаточное количество документов, и наместнику пришлось употребить власть, чтобы ускорить разбор дел. Кроме того, центральные власти требовали скорейшего проведения очередных выборов депутатов дворянства. Впрочем, И. Н. Инзову удалось убедить императора, что это мероприятие следовало отложить до декабря 1821 г., когда работа комиссии могла завершиться [РГИА, ф. 1308, оп. 1, д. 29, л. 13б]. Внесение утвержденных фамилий в список дворян области началось во второй половине августа. В частности, одним из первых, а именно 22 августа 1821 г., был включен в него род Дмитрия Рышкана.

Освидетельствование документов началось с Оргеевского цинута, в котором проживало наибольшее количество дворян. Они могли подавать в комиссию свои бумаги с 28 февраля 1821 г. и до окончания ее работы. Каждый представленный документ подлежал тщательному рассмотрению и утверждению квалифицированным большинством комиссии. «Буде же при рассмотрении доказательств единогласно, — указывалось в инструкции для членов комиссии, — или две трети голосов находят доказательства достаточными, тогда тот род внесут в родословную книгу Наместничества и дадут тому роду грамоту за своими подписями и с приложением печати Дворянского собрания той губернии» [РГИА, ф. 1151, оп. 3 (1844), д. 231, л. 152]. После Оргеевского цинута надлежало принимать документы от жителей Ясского и Хотинского цинутов, и лишь после этого могли быть рассмотрены бумаги дворян южных частей области. Такая последовательность диктовалась различной степенью заселенности бессарабских уездов, следовательно, и неравномерным распределением самих дворян в этих цинутах. В указанные годы в южных частях края почти не встречались владения молдавских феодалов, которые в предыдущие времена были оттеснены турками и ногайцами из этого района. Правда, ряд бояр после ухода ногайцев из Буджака попытался предъявить свои права на некоторые

земельные владения юга Бессарабии, но чаще всего безуспешно. Выяснилось, что многие из них использовали подложные бумаги. Вскоре эти земли стали активно раздаваться различным российским дворянам, среди которых было немало петербургских сановников. Для этих лиц каких-либо подтвердительных документов, безусловно, не требовалось.

Как отмечалось выше, комиссия о дворянстве закончила свою работу 10 декабря 1821 г., составив список из 189 фамилий. Из них право выбора получили 127 лиц, 66 из которых были причислены к Оргеевскому цинуту, 37 — к Ясскому, 19 — к Хотинскому, 4 — к Бендерскому и 1 — к Измаильскому [РГИА, ф. 1308, оп. 1, д. 29, л. 14 об]. Остальные бессарабские дворяне, не владевшие необходимым количеством земли, остались без права прямого выбора своих депутатов. Помимо того, незначительное число дворян осталось вне избирательного процесса ввиду нахождения под следствием по уголовным делам. Согласно уже действовавшим к тому времени законодательным нормам бессарабские дворяне имели равные права с российскими дворянами, за исключением права владеть крепостными крестьянами в пределах области. В коренной России они могли покупать и владеть заселенными имениями. 11 марта 1822 г. генерал И. Н. Инзов поручил И. М. Стурдзе представить в Бессарабский верховный совет все подлинные определения комиссии 1821 г. и алфавитный список дворян для составления, согласно Уставу образования области, родословной книги [РГИА, ф. 1151, оп. 3 (1844 г.), д. 231, л. 2]. Работа над ней шла неспешно, о чем И. Н. Инзов докладывал в мае 1823 г. министру внутренних дел графу В. П. Кочубею [РГИА, ф. 1308, оп. 1, д. 29, л. 27 об.]. Наместник, пытаясь оправдаться, сообщал министру, что «в последнее время делал напоминания Бессарабскому верховному совету по сему предмету» [Там же]. Однако члены совета смогли закончить работу над книгой лишь в августе 1823 г.

Отмеченный выше реестр из 189 дворянских фамилий в 1824 г. был подвергнут редакции Верховным советом Бессарабской области, который сохранил в нем лишь 102 фамилии. Причиной ревизии стал сепаратный учет комиссией 1821 г. семей младших поколений дворян, вместо того, чтобы сопричислить их к роду их отцов. Вследствие этого сокращения в первую часть дворянской родословной книги вошла 61 семья, во вторую часть — 12 семей, в третью часть — 7, одна семья вошла в пятую часть книги и 19 фамилий — в шестую часть [РГИА, ф. 1308, оп. 1, д. 29, л. 14 об.].

Следует отметить, что с окончанием работы комиссии 1821 г. ряды бессарабского дворянства не стали недоступными для новых членов. Документы на это звание можно было подавать согласно существующим нормам, какие были распространены и в других губерниях России. При этом желающих добиться права на принадлежность к благородному сословию было немало. Помимо действительно достойных этого звания лиц было и немало самозванцев, добывших фальшивые документы. Так, по окончании в 1828 г. правления в Молдавском княжестве и прибытии в Кишинев, бывший господарь Иоанн Стурдза стал раздавать за деньги так называемые питаки, т. е. патенты на чины, дававшие право на дворянство. В частности, один лакей дворянки Богдан приобрел питак на чин пахарника. Подобное

же приобретение сделал некто Юбич, посессор той же дворянки Богдан. Продажей фальшивых питаков занимались также ворник Драгич, хатман Федор Бальш и постельник князя Иоанна Стурдзы Николай Канта. О такой практике молдавских чиновников доносил в Сенат и новороссийский и бессарабский генерал-губернатор М. С. Воронцов 31 декабря 1833 г. [РГИА, ф. 1151, оп. 3 (1844 г.), д. 231, л. 252].

Были моменты в течение первых десятилетий нахождения Бессарабии в составе России, когда процесс формирования дворянского общества вызывал болезненные реакции верховных властей империи. Хотя временами они проявляли отстраненное отношение к происходившему в бессарабском дворянском обществе. Возможно, это была выжидательная позиция. Первое обсуждение вопроса об основаниях для причисления к дворянству бывших молдавских бояр развернулось в Петербурге в 1822 г., когда из Инспекторского департамента Главного Штаба в Герольдию пришел запрос на Николая Гаврилица, Ивана Кешко, Михаила Богуша, Александра Андрияша, Ивана Руссу, Скарлата, Степана и Алексея Доничей, Егора Черкеза и Василия Леонарда. Все перечисленные молодые люди пытались поступить на военную службу и в этой связи в Военном министерстве возник вопрос, можно ли считать их дворянами и на каких основаниях. Сенат не смог дать однозначный ответ, т. к. к тому моменту Бессарабская область не вошла в общее управление российскими губерниями. По этой причине Сенат, «не входя в рассмотрение представленных о недорослях из бессарабских фамилий свидетельств и не делая никаких заключений, препроводил оные в апреле 1822 года к управляющему Министерством внутренних дел» [РГИА, ф. 1151, оп. 3 (1844 г.), д. 231, л. 4–5]. Действия Сената основывались на высочайшем рескрипте 10 июня 1822 г., согласно которому все дела по Бессарабской области находились в ведении главы этого министерства. Таким образом, Герольдия ждала от графа В. П. Кочубея соответствующих объяснений, на основе которых она могла рассматривать документы на дворянство. Давая герольдмейстеру П. А. Мансурову необходимые разъяснения по этому поводу, министр также приказал генералу И. Н. Инзову ускорить работу по составлению родословной книги, с тем чтобы отправить ее со всеми документами дворян для окончательного рассмотрения Герольдией. Лишь после этого книга могла стать основанием для подтверждении сословных прав на благородное звание.

Приступив в 1823 г. к составлению дворянской родословной книги, Бессарабский Верховный совет столкнулся с характерными для всех губерний России проблемами, когда многие представители дворянства вовремя не предоставляли нужные документы о своем социальном происхождении. По этой причине 16 января 1825 г. полномочный наместник граф М. С. Воронцов потребовал от Верховного совета ускорить работу по сбору фамильных документов о благородном происхождении, чтобы отправить их вместе с книгой в Санкт-Петербург. Исполняя приказ наместника, совет постановил «истребовать поспешнее через посредство цинутных предводителей и полицейских мест» [НАРМ, ф. 88, оп. 1, д. 51, л. 30] нужные бумаги. Таким образом, дворяне обязаны были вновь отправить в Кишинев имевшиеся у них свидетельства на свое происхождение и приложить

по две копии со всех документов, «одну на рублевом, а другую на двухрублевом гербовом листе» [Там же, л. 33]. Члены Верховного совета сверяли переводы с оригиналами и при отсутствии ошибок подписывали их. 8 мая 1825 г. граф М. С. Воронцов распорядился ускорить работу по переписи родословной книги набело, т. к. черновой вариант был уже готов. Для этого не доставало лишь подлинных документов, чтобы убедиться в правильном внесении в нее той или иной фамилии. Однако и к 7 августу следующего 1826 г. совет получил бумаги лишь от 20 дворянских фамилий, остальные оставались безучастными к этому процессу [Там же, л. 2]. В этой связи власти области вынуждены были через цинутных предводителей и полицейских предупредить под подпись каждого дворянина края, что в октябре 1826 г., независимо от объема представленных документов, переписанная набело родословная книга будет отправлена в Санкт-Петербург. Следовательно, нерасторопные дворяне могли остаться не включенными в этот документ. Замедляла работу и необходимость перевести с молдавского на русский язык значительную часть документальных свидетельств. В частности, оргеевский цинутный предводитель дворянства в своем рапорте от 29 сентября 1826 г. жаловался на трудности с переводом документов из-за недостатка переводчиков, прося отсрочку в представлении бумаг до 1 ноября [РГИА, ф. 1151, оп. 3 (1844 г.), д. 231, л. 149]. Верховный совет был вынужден уступить просьбам предводителя. Однако и после отмеченной даты дворяне не торопились с отправкой бумаг, а полученные переводились крайне медленно. Наиболее безответственными оказались лица, проживавшие в Кишиневе. Согласно рапорту городской полиции от 22 января 1827 г., жившие в областном центре дворяне и вовсе отказывались предоставлять свои документы [Там же]. Многие же поступали без перевода. Верховный совет был вынужден привлечь к переводу этих бумаг депутатов совета. Вскрывались случаи представления фальшивых документов. Так, в 1826 г. в Верховный совет поступили бумаги от Василия Россета, Василия и Николая Танасовых, Хиждева, Андрияша и Иордакия Милло. Но потом выяснилось, что документы Россета переведены неверно, свидетельство Хиждева переведено на обычной бумаге, а нужно было на гербовой. Бумаги остальных и вовсе не были переведены [НАРМ, ф. 88, оп. 1, д. 51, л. 70].

Из представленной Бессарабским дворянским депутатским собранием записки следовало, что и в прошлом 1821 г. лишь некоторые соискатели представили полностью все необходимые документы, другие только часть бумаг. Последняя группа дворян объясняла их отсутствие тем, что недостающие были либо утеряны, либо при продаже своих вотчин они были уступлены новым владельцам. Не спешили эти лица представлять их и во время составления родословной книги. Из-за этого процедура отправки бумаг для утверждения в Герольдию общего списка дворянских фамилий Бессарабской области затягивалась. В 1820-х гг. только лишь 11 дворянских бессарабских фамилий в разное время были утверждены Герольдией сепаратно и один общим собранием первых трех департаментов Сената. В частности, в 1829 г. Герольдия признала в дворянстве И. Кешко, М. Богуш, А. Андрияш, И. Руссу, Е. Черкез, Степана и Алексея Доничей на тех основаниях, по которым их фамилии были внесены в дворянскую родословную книгу. В 1827 г.

Сенат признал достаточными доказательства по роду Яновых при производстве одного из его представителей (Ивана) в чин коллежского советника.

Впоследствии Герольдия несколько раз принимала решение по запросам о дворянстве тех или иных лиц. Основанием к признанию за ними прав благородного сословия «были не молдавские чины, по коим признавала в дворянстве комиссия, существовавшая в Бессарабии в 1821 году, или пожалование лиц за службу их по выборам дворянства российскими орденами, или по владению в роде недвижимым дворянским имением, соответственно правилам, в 40 ст. IX Т. Св. законов постановленным» [РГИА, ф. 1151, оп. 3 (1844 г.), д. 231, л. 3]. Такие заключения Герольдия принимала в 1834, 1835, 1837, 1839 и в 1840 гг.

Из-за безнадежного положения с доставкой документов Верховный совет области решил составить списки трех групп дворян края: 1) представивших свои документы; 2) представивших неполный пакет документов; 3) вовсе не представивших бумаг. Отмеченные списки с пояснениями он предлагал отправить в Санкт-Петербург с копиями дворянских свидетельств. Лишь 9 августа 1827 г. дворянская родословная книга была представлена полномочному наместнику Бессарабской области. В то время эти обязанности исполнял граф Ф. П. Пален. На составление родословной книги совет потратил 500 руб. ассигнациями [НАРМ, ф. 88, оп. 1, д. 51, л. 56 об.]. Деньги эти были заимствованы из канцелярских средств и подлежали возврату из сумм дворянства. В 1827 г. поступило только 129 руб. 29 коп., остальной долг следовало взыскать с оргеевских (310 руб.), хотинских (25 руб. 40 коп.) и ясских (35 руб. 31 коп.) дворян [Там же]. В своем отношении к министру внутренних дел 8 сентября 1827 г. он писал, «что медлительность в доставлении той книги произошла по уклонению дворян от представления документов, коих некоторые по сие время не внесли по принадлежности» [РГИА, ф. 1151, оп. 3 (1844 г.), д. 231, л. 148]. К книге Верховный совет приложил копии с имевшихся документов о правах на благородное звание, а также список причисленных фамилий с перечнем представленных и не представленных бумаг. К ней также прилагались правила, которыми ревизионная комиссия руководствовалась при признании прав на дворянство, список молдавских чинов, дававших право на это звание, и выписка из книги Вистерии 1806 г., по которой некоторые фамилии были признаны благородного происхождения. Так, братья Скарлат (Карл) и Михаил Богуши смогли представить лишь выписку из вистерийской книги господаря Александра Морузи за 1806 г., в которой их отец был указан как житничер. Таким образом, на основе лишь этой записи братья Богуши 30 июля 1821 г. были признаны дворянами. Затем в 1829 г. принадлежность Богушей к этому сословию была подтверждена и Сенатом [РГИА, ф. 1343, оп. 16, д.1839, л. 1].

Полученный из Бессарабского Верховного совета пакет документов граф Ф. П. Пален отправил в сентябре 1827 г. в Санкт-Петербург к министру внутренних дел В. С. Ланскому, а он, в свою очередь, представил его министру юстиции князю Д. И. Лобанову-Ростовскому. Князь в своем предписании от 14 октября 1827 г. поручил герольдмейстеру А. П. Званцеву рассмотреть в Герольдии означенные документы в кратчайшие сроки. Однако эта процедура затянулась на долгие годы и была завершена лишь в начале 1840-х гг.

В своем рапорте 8 января 1832 г. на имя управляющего Министерством юстиции Д. В. Дашкова А. П. Званцев писал, что родословная книга должна быть ревизована, согласно закону, вкупе с дворянскими делами, которые в Герольдии представлены не были [РГИА, ф. 1151, оп. 3 (1844 г.), д. 231, л. 252]. Но, по словам герольдмейстера, даже если они и были бы доставлены в Сенат, изучить их малым штатом Герольдии за короткое время просто не было никакой возможности. Даже то небольшое количество бумаг по делам вновь поступивших на службу дворян Бессарабии, которое разбиралось в Сенате по запросам Инспекторского департамента Главного Штаба и других ведомств, проходило эту процедуру слишком долгое время. Помимо того, чиновники Герольдии ожидали завершения работы особого комитета при Сенате по составлению правил ревизии действий всех дворянских депутатских собраний, включая и собрание Бессарабской области. Кроме того, в те годы шла подготовка к реорганизации самой геральдической службы Сената, что не способствовало быстрому рассмотрению дворянских дел. 18 мая 1832 г. был принят новый штат Герольдии [ПСЗ-2, т. 7, № 5376 Основной штат для Герольдии, док. № 5376], не разрешивший однако всех трудностей этого учреждения, т. к. число служивших в ней чиновников оказалось незначительным (65 человек). Между тем предстояло рассмотреть многие десятки тысяч дел российских дворян.

Медлительность Герольдии при производстве ревизии дел бессарабского дворянства болезненно воспринималась руководством края. Отсутствие утвержденной родословной книги по существу парализовало процесс внесения в этот документ новых дворянский фамилий. Кроме того, без окончательного вердикта Сената относительно легитимности местной элиты практически прекратилась работа по выявлению круга остальных категорий бессарабских жителей, их привилегий и обязанностей. Невозможность в полной мере воспользоваться высшему сословию своими правами до утверждения дворянской родословной книги стала главной причиной жалоб областного предводителя. В частности, в конце 1833 г. новороссийский и бессарабский генерал-губернатор препроводил министру внутренних дел прошение предводителя дворянства Е. И. Димитриу, хлопотавшего от имени всего благородного сословия о разрешении произвести 14 января 1834 г. выборы земских исправников и заседателей земских судов. А т. к. эта процедура была невозможна до утверждении родословной книги, граф М. С. Воронцов просил хотя бы ускорить ревизионную работу. Поддержав Воронцова, министр внутренних дел обратился к министру юстиции Д. В. Дашкову с аналогичной просьбой [НАРМ, ф. 88, оп. 1, д. 51, л. 86]. Последний потребовал 11 января 1834 г. от герольдмейстера «немедленного удовлетворения изъясненного ходатайства» [РГИА, ф. 1151, оп. 3 (1844 г.), д. 231, л. 252]. 25 января того же года Д. В. Дашков распорядился представить ему отчет, «в каком положении находится... дело по предмету рассмотрения родословной книги бессарабских дворян» [Там же].

В своем отношении к министру юстиции герольдмейстер А. П. Званцев вновь сетовал на малочисленный состав чиновников. К тому же герольдмейстерская служба, по словам Званцева, находилась в ожидании результатов работы комитета, который составлял правила для ревизии действий дворянских депутатских

собраний. Положение дел осложняла не только заминка в деле утверждения результатов работы комиссии 1821 г. со стороны Герольдии, но и участие в дворянских выборах в Бессарабии в 1832 г. лиц, не имевших на то права. Последний факт вынудил исполнявшего обязанности новороссийского генерал-губернатор графа Ф. П. Палена потребовать производства ревизии всех актов депутатского собрания, а также учредить над ним особый надзорный комитет.

Однако Сенат отклонил требования Ф. П. Палена. В Санкт-Петербурге полагали, что основанный 12 февраля 1828 г. особый комитет для составления правил о производстве ревизии действий депутатских собраний империи закончил к тому моменту свою работу, и ожидалось лишь утверждение этих правил Николаем I. Таким образом, в ближайшее время планировалось начать проведение общероссийской ревизии действий органов дворянского самоуправления, не исключая и бессарабского собрания. Существовавший при «Правительствующем Сенате высочайше учрежденный комитет для начертания правил каким образом удобнее произвести ревизию действий депутатских собраний, — писал министру юстиции герольдмейстер, — предмет сей кончил, и ревизия сия должна распространена на Бессарабское депутатское собрание» [РГИА, ф. 1151, оп. 3 (1844 г.), д. 231, л. 253]. Ее проведение исключало необходимость учреждения особого надзорного органа. Достаточно было, в рамках составленных правил о ревизии, создать временную комиссию в Бессарабии наряду с другими губерниями, в обязанности которой входил, по мнению министра юстиции, и пересмотр оснований для признании прав на дворянство любого из включенных в родословную книгу области человека, если на то будут веские причины. После одобрения 20 апреля 1834 г. Николаем I отмеченных правил, началась подготовка к созданию местных комиссий для контроля за предшествующей деятельностью органов дворянского самоуправления. Основанием для их учреждения стали императорские указы 23 июня 1834 г. и 27 августа 1835 г.

Казалось, ревизорам в Бессарабской области будет дозволено рассмотреть и основания для включения в родословную книгу 189 человек, согласно списку 1821 г. Однако министр внутренних дел Д. Н. Блудов посчитал, что деятельность комиссии 1821 г. под руководством генерал-лейтенанта И. Н. Инзова не могла быть подвергнута предлагаемой ревизии на месте. Лишь Герольдия, по его мнению, вправе была провести подобную работу. В компетенцию же бессарабской ревизионной комиссии входила лишь проверка оснований для внесения в родословную книгу тех лиц, которые претендовали на дворянство после 1821 г., а также действий Бессарабского депутатского собрания. Учитывая мнение главы МВД, министр юстиции Д. В. Дашков поручил герольдмейстеру доложить об этом Сенату и рассмотреть этот вопрос в установленном порядке. 15 июня 1834 г. общее собрание первых трех департаментов Сената согласилось с мнением Д. Н. Блудова, поручив Герольдии исследовать родословную книгу Бессарабской области самостоятельно [РГИА, ф. 1151, оп. 3 (1844 г.), д. 231, л. 254].

Однако и после этого решения важнейший для дворян области документ оказался вновь не востребованным геральдической службой России. Новая надежда добиться утверждения родословной книги Бессарабской области появилась

с созданием Временного присутствия Герольдии. Вслед за Указом 28 апреля 1839 г. о его формировании герольдмейстер Г. В. Пефт передал ему книгу и поступившие из депутатского собрания документы в количестве 42 дел, но 21 августа 1839 г. отмеченные бумаги были вновь возвращены в Герольдию. При этом Временное присутствие ссылалось на положение Комитета министров, допускавшее рассмотрение им лишь тех дел, которые «получили начало в дворянских депутатских собраниях, равно возникшие из действий комиссий, учрежденных на основании высочайше утвержденного в 20 день апреля 1834 года мнения Государственного совета» [РГИА, ф. 1151, оп. 3 (1844 г.), д. 231, л. 254]. Таким образом, родословная книга Бессарабской области, которая составлялась силами комиссии 1821 г., а затем Верховным советом области, не могла быть предметом изучения Временного присутствия.

Дальнейшие события развивались схожим образом. Герольдмейстер требовал от бессарабских властей ускорить процесс сбора подлинных документов дворян для их проверки. Благородное сословие области не торопилось с представлением необходимых бумаг, тем более что у многих его представителей их не было. Как отмечалось выше, часть дворян была причислена к благородному сословию на основе лишь записи в вистерийской книге времен господаря А. Морузи без предоставления других документов. Копия оригинала этой книги состояла из 155 листов, скрепленных печатями и заверенных российским консулом в Яссах А. Пини. Этот документ послужил основанием для включения в состав бессарабского дворянства Василия Анастасиева, Михалаки Бибера, Карла и Михаила Биберовых, Семена Главче, Костакия Леко, Дмитрия и Горгия Леоновых, Георгия Манолия, Константина Николау, Георгия, Иоанна, Манолакия и Дмитрия Потлогов, Енакия Пауна, Георгия Романа, Григория Скорцеско, Касьяна Суручану и Николая Тихона. Те же, кто не был включен в вистерийскую книгу, но медлил с отправкой в Санкт-Петербург требуемых бумаг, рисковал быть исключенным из числа дворян. Таких лиц было несколько десятков. Однако все требования Герольдии и местных властей исполнить предписания ими игнорировались. Невыполненными оказались и просьбы герольд-мейстера Г. В. Пефта к новороссийскому и бессарабскому генерал-губернатору от 11 марта 1840 г. и 8 июля 1841 г. о «поспешном выполнении требования Герольдии касательно доставления в оную подлинных документов фамилий, которые особо учрежденной в 1821 г. в Бессарабской области комиссии признаны в дворянстве и внесены в родословную книгу» [Там же].

Вследствие отмеченных причин Герольдии удалось рассмотреть и утвердить право включения части бессарабского дворянства в родословную книгу лишь в 1842 г. В частности, 17 сентября того же года Герольдия приняла резолюцию по своей ревизионной работе. Из 102 фамилий, которые содержались в книге, Герольдия признала правильно внесенными только 48. По 12 родам, в силу прежних решений Сената, Герольдия не сделала никаких заключений. По оставшимся 42 фамилиям она отказалась утвердить определения комиссии 1821 г. В одних случаях отказ произошел по причине отсутствия документов на дворянство, по которым они были внесены в родословную книгу в 1820-х гг. В других же соискатели

дворянского звания не смогли доказать родственные связи между собой и теми лицами, которые значились в вистерийской книге 1806 г. либо они и вовсе в этот документ не были внесены. В частности, не представили нужных бумаг Баласески, Вартик, Вулуца, Вырнов, Гика, Измана, Иордаки, Маноли, Николау, Панайоти, Паун, Перестри, Роман, Салло, Федоров и др. Главча, Каплеско, Леонов, Сорочан, Трохин и др., хотя и были внесены в родословную книгу на основании записи в вистерийской книге, но при повторном получении перевода с нее от российского консула в Яссах их фамилии в ней уже не значились. Наконец, 26 октября 1844 г. министр юстиции представил государственному секретарю всеподданнейший доклад Сената, краткую записку Герольдии, выписку из законов и 50 печатных экземпляров отчета по делу ревизии дворянской родословной книги Бессарабской губернии для внесении в Государственный совет. После рассмотрения этого дела в Департаменте гражданских и духовных дел 29 января 1845 г. родословная книга была утверждена императором Николаем I. Таким образом, потребовалось более двух десятков лет, чтобы бессарабское дворянство обрело свою книгу.

Основной штат для Герольдии. Док. № 5376 // Полное собрание законов Российской империи. Соб. 2. Т. 7. СПб., 1833. [Osnovnoj shtat dlya Gerol'dii. Dok. № 5376 // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sob. 2. T. 7. SPb., 1833.]

Статья поступила в редакцию 21.03.2014 г.

УДК 94(510) + 94(470 + 570) + 94(470)“1904/1905” **А. С. Титаренко**

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О КИТАЕ В РУССКОМ НАРОДНОМ СОЗНАНИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX — НАЧАЛО XX В.)

Статья посвящена проблеме создания образа Китая и китайцев в русском народном сознании во второй половине XIX — начале XX вв. Автор анализирует источники и факторы этого процесса, основные характерные черты образа Китая, роль этнических стереотипов в его структуре.

Ключевые слова: образ Китая; китайский национальный характер; восстание ихэтуаней; русско-японская война; миф о русско-китайской дружбе; «желтая опасность».

На современном этапе Россия и Китай активно взаимодействуют в различных сферах государственной и общественной жизни. На фоне активных контактов двух стран актуальным является изучение истории взаимовосприятия. В нашем исследовании мы пытаемся проследить эволюцию в представлениях России о Китае. Представления о Китае в российском обществе бытовали в форме образов и стереотипов. Образ Другого — это сложная синтетическая категория, динамическая

© Титаренко А. С., 2014